

УДК 140

Источники "методологического плюрализма" П.Л. Лаврова

А.К. Мишинева

*Гуманитарно-правовой факультет МГТУ, кафедра морского права
и специальной языковой подготовки*

Аннотация. В статье рассмотрены источники "методологического плюрализма" П.Л. Лаврова, обоснование философом антропологического принципа, лежащего в основе его "субъективного метода". Дан анализ критического подхода мыслителя к некоторым философским течениям (кантианство, "гегелизм", позитивизм).

Abstract. The paper considers some sources of P.L. Lavrov's methodological pluralism and reasoning of his anthropological principle which is the basis of his "subjective method". The thinker's critical approach to some philosophical schools (Kant's and Hegel's studies, positivism) has been analyzed.

Ключевые слова: методологический плюрализм, антропологический принцип, субъективный метод, критическая мысль
Key words: methodological pluralism, anthropological principle, subjective method, critical thought

1. Введение

Период философского творчества П.Л. Лаврова приходится на время второй половины XIX в., когда еще не произошел переход к отказу от построения философских систем и сохранилась просветительская вера во всемогущество разума и науки, с помощью которых возможно будет решить все человеческие проблемы. А. Валицкий считает, что Лавров был в высшей степени западником и *просветителем* среди народников, хотя его "Исторические письма" имеют мало общего с народничеством в узком значении этого понятия, т.е. как теории, выступающей за гегемонию широких масс над образованным меньшинством (Walicki, 1989). На взгляд Ф.Ч. Коплстона, Лавров полагал, что Россия сможет использовать достижения западной науки, при этом успешно избегая роста капитализма (Copleston, 1986). По мнению А.И. Юдина, на формирование теории прогресса Лаврова оказали влияние "антропологическая философия, позитивистская методология и просветительская идеология" (Юдин, 2004), что, на наш взгляд, можно отнести ко всей его философии. Юдин признает утопический характер теории прогресса Лаврова, но, с другой стороны, отмечает, что подобные теории способствуют существованию веры в возможность совершенствования как отдельного человека, так и общества в целом. Без просветительского идеализма невозможны изменения в духовно-нравственной сфере человеческого общества. А эти изменения всегда актуальны, в особенности в условиях трансформации и становления нового гражданского общества в России.

П.Л. Лавров был энциклопедически образованным человеком, он хотел полностью посвятить себя философии, видел свой долг в указании людям пути к истинному счастью, которое невозможно без просвещения и веры в разум. Для обоснования своих взглядов он прорабатывает множество источников, которые должны помочь показать способность человека творить историю. Поэтому его тексты отчасти громоздки и изобилуют историко-философским материалом. Непосредственное же влияние на философию Лаврова оказали немногие источники, несмотря на то, что он анализирует огромное количество материала – как исторического, так и современного ему.

2. Анализ П.Л. Лавровым идей И. Канта

Обращая свой взор к западной философии 1840-1860-х гг., П.Л. Лавров видит, что критике подвергается строгий рационализм идеалистических систем немецких мыслителей: у И. Канта – трансцендентализм за его неизменность и, следовательно, догматизм, у Гегеля – панлогизм и объективизм истории. Эта критика принимается и усиливается в России, она близка и Лаврову. Не случайно одним из источников субъективизма Лаврова А. Валицкий (Walicki, 1989) считает бунт В.Г. Белинского против жестокости мирового духа (Weltgeist) Гегеля.

В Европе осмысление Гегеля проявлялось двояко: как правое и левое гегельянство. В последнем оно проявило себя в первую очередь через усиление детерминизма материализмом. Именно против такого усиленного историческим детерминизмом объективизма и выступила идеология индивидуализма и анархизма. А. Валицкий подчеркивает сильную связь системы П.Л. Лаврова с великими прогрессивными традициями современной Европы, в особенности с индивидуалистическим и

рационалистическим гуманизмом. Основной ценностью такого гуманизма являются свобода и развитие личности. Он отмечает, что теория прогресса Лаврова имеет своими источниками идею В.Г. Белинского о возрастающей роли критически мыслящей личности в истории.

Но бунт – это еще не преобразовательная деятельность, видимо, поэтому наибольшее влияние среди отечественных мыслителей на Лаврова оказал А.И. Герцен, а именно его "философия одействоворения", что отмечает также и В.В. Зеньковский. Вначале субъективизм Лаврова, по мнению А. Валицкого, был направлен на критику фетишизма "рациональной необходимости" и на абсолютизацию "всеобщего" в гегелевской философии истории. Далее же Лавров ищет обоснование активной роли субъекта в истории, возможности влияния на нее и ее преобразование на основе рационально сформулированного общественного идеала.

Среди западных философов на творчество П.Л. Лаврова влияние оказал в первую очередь И. Кант, метафизику и трансцендентализм которого он критиковал, но идея активности познающего субъекта становится центральной для Лаврова и, можно сказать, переносится им на историю и социологию. Следует обратить внимание, что исследованию влияния идей И. Канта на представителей русской философии, и в частности Лаврова, посвящено исследование О.Д. Мачкариной. В этом исследовании О.Д. Мачкарина (2011) отмечает, что мыслитель на основе анализа гносеологии Канта делает вывод о том, что "единственными объектами философии являются факты и явления, которые с большей или меньшей степенью вероятности способны оправдать умозаключения и действия". Исследователь Ф.Ч. Коплстон (Copleston, 1986) подчеркивает, что он видит основу "субъективного метода" Лаврова в признании вслед за И. Кантом личности как активного субъекта. Лавров считал, что у личности есть субъективное убеждение, что она способна свободно ставить цель и выбирать способы ее достижения. Субъективную уверенность Лавров признает как феноменологическую, а не априорную данность. Это положение становится основой его построения собственной философской системы, в которой личность выступает как создатель теоретической философии, отвечающей на вопрос "Что есть?", и практической – занимающейся поисками ответа на вопрос "Что должно быть?". Акцент Лаврова на ориентировании критики на действие выражает его уверенность в том, что сознание и воля могут влиять на историю и определять ход ее развития. В этом, по мнению Ф.Ч. Коплстона, выражается и его эволюционная точка зрения.

Философия истории П.Л. Лаврова, как уже отмечалось, опирается на утверждение об активности субъекта И. Канта, а также на идеи левогегельянцев, в особенности Б. Бауэра ("критическая мысль" как основной двигатель прогресса), и на антропологизм Л. Фейербаха. По мнению А. Валицкого, теория "критически мыслящих личностей" Лаврова имеет сходство, во-первых, с идеей Н.Г. Чернышевского о том, что основным орудием прогресса являются просвещенные, свободные и критически мыслящие личности, чьи достижения адаптируются обычными людьми, остающимися довольно консервативными, во-вторых, с теорией "думающих реалистов" Д.И. Писарева.

Кроме вышеуказанных философов следует отметить сторонников неокантианства, особенно баденскую школу, которую представляли В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Новизну данного направления составляет разделение наук и методов их познания на естественные "номотетические" и исторические "идеографические". В последних решающее значение придается телеологической установке, цели, или ценностям в историческом процессе, что, несомненно, является существенным и для историософии Лаврова. Ф. Вентури также отмечает, что при разработке своей системы Лавров опирался на философию неокантианцев (Ventury, 2001). Он предполагает, что Лаврову хотелось бы укрепить социологию в рамках феноменологии "Критики чистого разума" и этицизма "Критики практического разума" И. Канта. Лавров был уверен, что синтез этих двух кантианских традиций должен осуществиться в рамках науки и объединения *эпистемологического* и *исторического релятивизма* (мы бы сказали, и субъективизма). Вентури даже считает, что Лавров был одним из наиболее известных *предшественников* марбургской и баденской школ неокантианцев. Мы принимаем характеристику взглядов Лаврова Вентури как неокантианских, особенно его указание на их релятивизм. Но следует оговориться, что неокантианцы строили свои теории, в первую очередь, следуя априоризму И. Канта, и утверждали априорность оценочной способности субъекта, что не принимал Лавров. Он использовал в первую очередь их принцип неповторимости исторических феноменов, которые берутся для исторического исследования, а также их телеологический принцип.

3. Критика П.Л. Лавровым позитивизма

Ряд исследователей утверждают, что в системе П.Л. Лаврова присутствуют элементы разных течений: критицизм, позитивизм, материализм, идеализм (утопизм), релятивизм, феноменологизм, эклектизм. Что касается позитивизма, то, по Ф.Ч. Коплстону, следует говорить лишь об элементах позитивизма у Лаврова. Его можно считать позитивистом, в том смысле, что он отрицает способность

религии и метафизики дать знание сверхфеноменальной реальности, хотя признает значимую роль религии и метафизики в развитии человеческой мысли. Позитивистским также можно считать его утверждение о том, что знание ограничено феноменами и отношениями между ними. Но, если считать, что позитивизму характерна вера (faith) в возможность решить все существующие проблемы человечества, то П.Л. Лаврова невозможно считать позитивистом. По мнению Ф.Ч. Коплстона, Лавров также не является позитивистом в вопросе о свободе воли. По замечанию А.И. Юдина, Лаврова в позитивизме привлекала некоторая *антиметафизичность*, в рамках которой основной вопрос философии рассматривается "...в гносеологической плоскости... наука или метафизика" (Юдин, 2004). Юдин отмечает, что В.В. Зеньковский характеризует взгляды Лаврова как полупозитивизм, поскольку у него упор на научное знание дополняется нравственными установками. Как отмечает сам Юдин, Лаврова нельзя назвать позитивистом, поскольку его философская позиция "выходила за рамки узкого позитивизма". Мыслитель критиковал позитивизм за отсутствие в нем практической философии. Как известно, для самого мыслителя вопросы жизни были на первом плане. Таким образом, он отказывается от позитивизма как от философско-методологического подхода, который мог бы стать "основой объединения науки и жизни, теории и практики" (Юдин, 2004).

Приверженность к отрицанию метафизики Г.Г. Шпет справедливо расценивает как поддержку позитивизма. По его мнению, за это П.Л. Лаврова можно отнести к позитивистам. Следует, однако, помнить, что в своей работе "Задачи позитивизма" Лавров подверг критике философию позитивизма О. Конта, Дж. Милля, Литре и Дьюиса за отрицание возможности построить философию, т.е. философскую систему. Он также видит в позитивизме нечто положительное – "*постановка вопросов* для философии, *уяснение условий*, которые она должна выполнить" (Шпет, 1900). Следовательно, для Лаврова, по мнению Г.Г. Шпета, позитивизм является "*лишь принципом критики*" (Шпет, 1900).

Еще одна особенность позитивизма – принцип научности, важность познания мира с помощью научных методов импонирует Лаврову. По словам Н.Ф. Уткиной (1975), именно "позитивизм сделал научную мысль руководящим элементом своей системы". Лавров вполне согласен с этим, т.к. он связывает философию с наукой и с критическим методом познания. Для Лаврова "философия, которая ... тесно свяжет свое построение с завоеваниями науки и с критическими приемами научного метода, будет, вероятно, единственной *философией*, годной для нового человечества в его настоящем развитии. Она сводится к философской системе объективных явлений, которая была бы в то же время системой феноменологии рационального мыслящего духа и системой истории человечества" (Лавров, 1965а).

П.Л. Лаврову импонирует идея О. Конта о разграничении науки и религии, т.к. сам мыслитель видит вполне очевидную разницу между этими двумя сферами. Он полагает, что четкое понимание того, что относится к научным методам познания действительности и что – к ненаучным, помогает развиваться именно науке, которая содействует развитию человечества в лучшую сторону и помогает избавляться от болезненных или патологических предрассудков и представлений. Лавров оценивает систему О. Конта и позитивную философию как продолжение закона исторической необходимости Гегеля. Этот закон отразился в последовательности трех периодов или "трех способов воззрений": теологического, метафизического и позитивного. О. Конт "не отрицал прошедшего", "прошедшее в глазах учителя позитивизма включает неизбежные подготовительные ступени для позитивизма" (Лавров, 1965а). Однако, Лавров не считает, что позитивизм является философией его времени, "о позитивизме можно сказать, что это наше время, схваченное в вопросе" (Лавров, 1965а). Лавров в позитивизме, как и в гегелизме, увидел некоторый догматизм: богом в позитивной философии было человечество, а высшим принципом – наука. Он также считает недостатком позитивизма предоставление науке исключительного положения в этой системе (такое же исключительное положение имела мысль, разум в "гегелизме"). Лавров является противником придания какой-либо одной идее исключительной важности в построении философской системы. Он сам неоднократно в своих сочинениях указывает на то, чтобы, например, в антропологизме рассматривать человека в его целостности. Под этим он понимает изучение человека в отношении его сознания, окружающего мира и истории. Такое цельное знание предполагает плюралистическую методологию. В таком случае можно было бы говорить о том, что подобная система действительно охватывает все, что касается человека, с позиции методологического плюрализма.

4. Обоснование "субъективного метода" через антропологический принцип

П.Л. Лавров не ограничивается позитивистскими взглядами для решения задачи обоснования свободы личности и активного ее влияния на историю и занимается поиском адекватного метода. Изначально он предполагает разделение наук на феноменологические и морфологические. *Феноменологические* науки объединяют изучение тех явлений, в которых можно обнаружить закон повторяющихся явлений, например, геометрия, механика, биология, психология, этика, социология.

К морфологическим наукам он относит те, которые изучают "распределение предметов и форм, которые обуславливают наблюдаемые процессы и явления, причем цель этих наук есть сведение всех наблюдаемых форм и распределений на моменты генетических процессов". Здесь на первый план выходит явление развития, генезиса, нет повторяемости событий, как это наблюдается в естественных науках. К таким феноменам Лавров относит исторические явления, материалом для исследований в истории могут быть индивидуальные и неповторимые "биографии отдельных личностей". Феноменологические и морфологические науки связаны таким образом, что в морфологических науках при необходимости делать нравственный выбор ученым на помощь приходит критика, критический подход, а "критика внешних предметов заключается именно в определении их относительного достоинства" (Лавров, 1965а), т.е. со стороны их нравственного содержания.

П.Л. Лавров отмечает, что в разные исторические эпохи происходило перевешивание значимости либо естествознания, либо истории, но также были и периоды равновесия. Для него история важна не только тем, что указывает направление развития общества, но также и тем, что содержит в себе огромное количество уроков прошлого. Он выделяет два смысла слова история: наука и "процесс, который составляет предмет изучения для истории как *знания*" (Лавров, 1965b). Лавров раскрывает особенности истории как процесса, который заключается в том, что история занимается изучением неповторяющихся событий. Цель историка – фиксировать не те события, которые "повторяются ежегодно с математической правильностью" (Лавров, 1965b), а запечатлеть происходящие изменения. Как уже нами отмечалось, и это подтверждает А. Валицкий, идея Лаврова об уникальности и неповторимости исторических событий была воспринята от В. Виндельбанда и Г. Риккорта, хотя такое разделение делал и А. Шопенгауэр. Однако последний не связывает исторические науки с целью и оценкой исторических событий. Четкое разграничение между повторяющимися феноменами природы и неповторяющимися историческими феноменами, по мнению Ф.Ч. Коплстона, оказывается, однако, под вопросом: если физик интересуется тем, что у феноменов есть схожего, то историк – различающимися факторами, например особенностями Американской революции, и это различие точек зрения существенно для Лаврова.

Отвечая на замечания своих критиков, П.Л. Лавров смягчает свой антидетерминизм в истории и говорит о существовании закона исторической последовательности, а не необходимости и причинности, добавляя, что этот закон отличается от законов естествознания. Но он не объясняет, в чем заключается суть этого закона исторической последовательности, считая, что формулировка этого закона – дело будущего, это будет происходить по мере накопления фактов и по мере формирования определенной классификации этих фактов. Выбор же исторических фактов определяется с точки зрения генезиса и важности (термин, которым пользуются неокантианцы) этих фактов. *Важность* исторических фактов, в свою очередь, определяется феноменологическими законами, которые имеют влияние на жизнь человека, являющегося "существом, которое составляет единственное орудие и единственный предмет истории" (Лавров, 1965b). Следует заметить, что отбор исторических фактов по важности предполагает определенную субъективность или, как говорит сам Лавров, "*субъективную* оценку", т.к. именно человек обладает способностью к оценке и осуществляет отбор. Если принять существование субъективного фактора в истории, то основной проблемой становится поиск критерия, в соответствии с которым можно говорить о прогрессивных или регрессивных исторических событиях. Но такой критерий также оказывается субъективным, поскольку зависит от общественного идеала, создаваемого критическими личностями. Как отмечает Коплстон, критерием является удовлетворение потребностей личности, начиная с базовых экономических, при этом личная польза не отделима от общественного блага. Коплстон полагает, что по Лаврову субъективная точка зрения – это точка зрения историка. В неокантианстве же, и в этом заключается отличие от него позиции Лаврова, критерием оценки является как априорная оценочная установка сознания, так и априорная шкала ценностей. Лавров усиливает именно *критицизм* И. Канта, чтобы обосновать как субъективный метод, так и активность субъекта, его деятельность по изменению реальности. Потребность в деятельности, в развитии находят свое воплощение в *критической* мысли, которую Лавров на протяжении всего своего творческого пути ставит во главу угла. Это в некоторой степени подтверждается высказыванием современника Лаврова А.А. Гизетти, который называет его "апостолом критической мысли" (приведено в исследовании А.И. Юдина).

Лавровское содержание критической мысли отражается и в понятии "критически мыслящей личности", являющемся по своей сути базовым в концепции личности этого мыслителя. При разработке общественного идеала в истории Лавров также прибегает к использованию критического приема и приема идеализации. Функция первого состоит в разрушении старого, а функция второго – в построении лучшего общества. Критика предполагает рационалистический и скептический анализ, идеализация же – страстную и догматическую веру в идеал. Комбинация этих двух приемов позволяет достичь идеала –

изменения общественного порядка. Коплстон подчеркивает нераздельность общественной активности и веры (belief) в свободу личности у Лаврова как общественного реформатора. Лавров осознавал пропасть между критикой и действием, и мостом между ними стала вера (faith), которая означает преданность одному из двух и более способов действия, преданность, подразумевающая временное приостановление использования критики. Но, по справедливому замечанию Ф.Ч. Коплстона, в этом случае мы имеем дело с идеологией. Лавров также предполагал такую возможность, но относился к ней отрицательно. Он не желал видеть в качестве результата революционного преобразования общества диктат тех, кто убежден, что именно они обладают истиной. Но, с нашей точки зрения, это с трудом уживается с концепцией партии Лаврова. На это несоответствие указывают и многие исследователи его творчества.

Невозможно утверждать, что П.Л. Лавров принадлежит материалистическому или идеалистическому течениям в философии. Так, по словам А. Вучинич (*Vucinich*, 1976), мыслитель отрицал и те, и другие как метафизические положения, построенные на односторонних абстракциях без эмпирических оснований. К. Маркс критиковал философский эклектизм и современный взгляд Лаврова на политическую активность. Вентури также говорит, что системе Лаврова свойствен эклектизм. Первым русским философом, высказывавшим такое же мнение, был Н.Г. Чернышевский. Мы полагаем, что философские взгляды Лаврова нельзя однозначно считать эклектическими, поскольку он строит свою систему на основе *одного* антропологического принципа и субъективного метода, которые он последовательно проводит. Основной задачей будущей философии, по Лаврову, является изучение целостного человека "в его тройном отношении: к своему сознанию, к внешнему миру и к преданию" (*Шпет*, 1900). Новая философия Лаврова, вносящая "единство во все сущее как сущее для человека, научно познанного, как существо разумное, нравственное и социальное" (*Лавров*, 1965а), должна состоять из трех частей, в основе которых находится объединяющий принцип антропологизма, по словам Г.Г. Шпета, "антропологическая точка зрения в философии" (*Шпет*, 1900). Это положение можно соотнести с тремя источниками знания для личности: "сознание, природа и предание", которые составляют основу таких наук как логика, естествознание, этика и история. Именно принцип антропологизма, т.е. единства природно-духовного начала, проводится Лавровым во всех частях его системы, что позволяет говорить о ее утилитарно-рациональной двойственности или о естественно-нравственной основе, но не дуализме. Методология, использованная Лавровым, носит также скорее утилитарный, а не теоретический характер.

Философскую систему П.Л. Лаврова можно рассматривать как единство философии в знании, философии в творчестве и философии в жизни. Эти вопросы изложены в его работе "Три беседы о современном значении философии". Эти идеи Г.Г. Шпет резюмирует следующим образом: "Философия в знании, как построение в систему, есть *единство в понимании*; философия в творчестве – *единство мысли и формы*; философия в жизни – *единство мысли и действия*" (*Шпет*, 1900). Использование Лавровым различных методов – рационалистического, позитивистского, феноменологического, критического, идеализации, скептицизма, субъективного и др. – имеет скорее прагматическую функцию, т.е. тот или иной метод выбирается ad hoc (к случаю), как принято сейчас говорить в эпистемологии, для обоснования антропологического принципа в философии. В.С. Федчин (1993) убежден, что ту исключительную важность, которую придает Лавров естественнонаучному знанию, в некоторой степени можно назвать "сциентистски-прагматической методологической установкой".

Такое методологическое многообразие, используемое П.Л. Лавровым в своей философии, мы предлагаем называть *методологическим плюрализмом*. Л.Н. Столович (2000), например, называет мировоззрение мыслителя "системно плюралистическим". Следует, однако, отметить, что двойственность его антропологизма, скольжение от утилитаризма к рационализму, плюрализм, конечно же, затрудняют характеристику взглядов Лаврова исследователям его философского наследия, которым приходится решать вопрос, последователем какого философского течения является русский мыслитель.

5. Критика "гегелизма"

Расходясь в оценке философии П.Л. Лаврова, все исследователи единогласно подчеркивают центральное значение в ней личности, гуманизм его исходных посылок и целей. Так, по мнению А. Валицкого, субъективный метод Лаврова был реакцией на теории, согласно которым общественный прогресс – это неизбежный, объективный процесс. Субъективизм возник как протест личности против негуманных законов гегелевского мирового духа (Weltgeist). Лавров не согласен с Гегелем в том, что в идее безусловного во всей ее широте не видно отдельного человека, отдельной личности: "Вера в безусловное как высший, сам собою развивающийся разум, осуществляющийся по необходимости в действительности, привела Гегеля к практическому правилу: отдельный человек, сознательный, но бесконечно малый элемент этого всемирного развития, обязан не торопить и не задерживать процесс этого развития; он должен созерцать мысль безусловное в его действительности, должен покоряться

его современным явлениям и ждать, чтобы оно само, в своем необходимом процессе осуществило добро и справедливость, истину и красоту" (Лавров, 1965а). Особенно такое пренебрежение к личности, по Лаврову, заметно в идее государства. Человеку в своей философии Гегель предписывает только способность осознавать и следовать логике развития духа; у него отсутствует человек как творец истории. Для мыслителя же личность является не только познающей, но и действующей, здесь объединяются принципы теоретической и практической философии Лаврова.

Менее значительными недостатками являются некоторые противоречия и несоответствия в "гегелизме". Однако, как говорит П.Л. Лавров, это свойственно всем философским системам, т.к. они представляют собой творения человеческой мысли. Лавров не считает, что система Гегеля разработала универсальные законы развития и раскрыла сущность вещей. Здесь, по замечанию А.И. Юдина, мыслитель идет вслед за И. Кантом, отрицая познание сущности вещей. Также для Лаврова диалектика и диалектический метод Гегеля не являются универсальным подходом в познании действительности, но, по словам Юдина, они "имеют право на существование, но возможности их ограничены" (Юдин, 2004). По мнению Г.Г. Шпета, Лавров видел недостаток взглядов Гегеля еще и в том, что мышление "заслонило жизнь" (Шпет, 1900). В то же время, как отмечает Н.Ф. Уткина, для Лаврова мысль – это только "одно из проявлений человеческого существования" (Уткина, 1975).

Критикуя объективизм и панлогизм Гегеля, П.Л. Лавров противопоставляет ему субъективизм, связанный с творческой деятельностью субъекта. Этот принцип он последовательно проводит в гносеологии, в этике, истории и социологии. А. Вучинич называет две причины, по которым Лавров был "субъективистом". Во-первых, он отрицал роль объективных факторов, т.к. его в основном заботили субъективные аспекты существования человеческого общества. Во-вторых, он был уверен в том, что личность в большей степени способна изменить законы общества, нежели законы природы. Характерными чертами субъективной социологии Лаврова, по замечанию А. Валицкого, являются защита *этицизма* (a defence of ethicism) (ценность моральных качеств, протест против эксплуатации человека), *методологическая* точка зрения (an epistemological and methodological standpoint), т.е. применение в социологии и истории субъективного подхода, отрицание или полемика против применения объективного подхода в этих науках и признание существования *субъективного фактора*, другими словами, *человеческой мысли* и *воли*, в историческом процессе (philosophy of history). Приоритет личности, субъективного фактора, проявляется, по мнению А. Вучинич, у Лаврова и как правильная социологическая интерпретация реальности, которая принимает во внимание как социальную обусловленность (social causation), так и социальную телеологию (social teleology). Он признает только имманентное целеполагание личности (immanent purposiveness), т.е. только личность способна определять и интерпретировать цели. Таким образом, намеренность совершения действия и оценка этого действия с точки зрения нравственности становятся неотъемлемыми элементами субъективной социологии. По Лаврову, социология должна заниматься тем, что необходимо, возможно и желательно для общества. Мыслитель увидел в субъективной социологии научное средство, имеющее отношение не только к познанию общества, в котором он жил, но и способное изменить это общество. А методом субъективной социологии стала интерпретация современных общественных отношений с точки зрения более совершенных целей идеалов будущего общества.

6. Заключение

В статье рассмотрены философские учения, оказавшие влияние на формирование собственных философских взглядов русского мыслителя П.Л. Лаврова. Среди наиболее значимых оказался немецкий философ И. Кант и его идея активности познающего субъекта. Основные положения данных теорий послужили толчком к формулировке "субъективного метода" самого мыслителя, в соответствии с которым личность может и должна способствовать формированию исторического бытия, уверенность личности в такой своей способности имеет феноменологическую природу. Неокантианство дало Лаврову телеологический принцип, оценочную теорию и разделение методологий для познания природных и исторических процессов.

Сделан вывод о том, что Лаврова довольно трудно назвать последователем какой-либо определенной философской школы. Можно довольно уверенно говорить о том, что мыслитель в позитивизме ценил антиметафизичность и научность, но не принимал отрицание возможности построения философской системы, а также догматизм, в смысле предоставления исключительного права науке. Нельзя считать его только эклектиком, как это было до недавнего времени, ведь его философская система базируется на одном последовательно проводимом антропологическом принципе единства естественной и духовной сущности человека и "субъективном методе". На наш взгляд, наиболее подходящим понятием для характеристики методологического подхода мыслителя является "методологический плюрализм".

Антропологический принцип Лаврова заключается в требовании изучения целостного человека: в отношении его сознания, а также природы и предания, которые представляют собой три источника знания для личности и лежат в основе таких наук, как логика, естествознание, этика и история. Проявляется утилитарно-рациональная двойственность или естественно-нравственная основа антропологического принципа Лаврова, лежащего во всех частях его системы: в теоретической философии, в практической философии и в философии истории.

Литература

- Copleston F.C.** Philosophy in Russia: from Herzen to Lenin and Berdyaev. *Tunbridge Wells (Kent), Search press; Notre Dame (Ind.), Univ. of Notre Dame press*, 445 p., 1986.
- Ventury F.** Roots of revolution: A history of the populist and socialist movements in 19th century Russia. *London, Phoenix press*, p. 850, 2001.
- Vucinich A.** Social thought in tsarist Russia: The quest for a general science of soc., 1861-1917. *Chicago; London, Univ. of Chicago Press*, 294 p., 1976.
- Walicki A.** The controversy over capitalism. Studies in the social philosophy of the Russian populists. *Notre Dame (Ind.), Univ. of Notre Dame press*, 197 p., 1989.
- Лавров П.Л.** Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. *М., Мысль*, т. 1, с. 752, 1965а.
- Лавров П.Л.** Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. *М., Мысль*, т. 2, с. 703, 1965б.
- Мачкарин О.Д.** Рецепция критической философии И. Канта в России XIX века. *Автореф. дис. доктора философских наук. СПб.*, с. 31, 2011.
- Столвич Л.Н.** Философия. Культура. Общество. О "системном плюрализме" в философии. *Вопросы философии*, № 9, с. 46-56, 2000.
- Уткина Н.Ф.** Позитивизм, антропологический материализм и наука в России. *М., Наука*, с. 85-91, 1975.
- Федчин В.С.** Проблема человека в русской общественной мысли (XIX – начало XX вв.). *Иркутск, Изд-во Иркутск. ун-та*, с. 179, 1993.
- Шпет Г.Г.** Антропологизм Лаврова в свете истории философии. Памяти П.Л. Лаврова: Сб. под ред. Н.С. Русанова, с. 74-118, 1900.
- Юдин А.И.** Проблема исторического будущего России. Социальные идеи П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского. *Тамбов, Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина*, с. 51-126, 2004.